

Сун Фою и госпожа Ян снова собрались что-то сказать, но я остановила их взмахом руки. «Я собираюсь написать докладную Шэнжэню. А-Ян, приготовь мне письменные принадлежности. Госпожа Сун, будь добра, принеси мне повседневное платье. Написав доклад, я сама представлю его Его Величеству».

Госпожа Ян бросила на Сун Фою сердитый взгляд, но та, опустив голову, проигнорировала её. Обе занялись своими делами, и я наконец смогла вздохнуть свободнее, потирая виски. После их перепалки я наконец поняла, чего хочу попросить у отца. Чтобы он меня всерьёз выслушал, действовать нужно было официально, используя весь вес своего титула принцессы. Всё это я понимала, однако на деле столкнулась с трудностями. Первая из них — как составить должным образом оформленный, высокопарный доклад.

Раньше, по случаю больших празднеств, мне тоже приходилось подавать доклады, восхваляющие деяния и добродетели императора и императрицы. Но тексты для меня обычно составляли придворные секретари из окружения матушки. Формальную сторону я ещё как-то осиливала, почерк у меня был сносный, но вот создать красивый, цветистый текст мне было не под силу. А теперь, когда он срочно понадобился, кого просить о такой услуге?

Пока я пребывала в нерешительности, госпожа Ян уже растёрла тушь и разложила всё необходимое. Подойдя, она спросила: «Эрнян, ты и вправду собираешься подавать докладную Шэнжэню? Может, стоит сначала показать её учителям Вэй и Сюй?»

Её слова осенили меня. Я вскочила, обняла её и радостно воскликнула: «А-Ян, спасибо тебе!» Затем, подойдя к двери, я громко скомандовала: «Немедленно пригласите сюда Цуй Эрнян из Чертога Чжуцзин!»

Пока я ждала Цуй Мин-дэ, я размышляла, как её уговорить. Она была знатной девицей из аристократического рода, не чета моим служанкам и евнухам. К тому же, в любом деле можно отнестись спустя рукава, а можно — со всей душой. Мне вовсе не хотелось, чтобы Цуй Мин-дэ, потрудившись прийти, отнеслась к моей просьбе поверхностно.

Поскольку я нуждалась в её помощи, я лично вышла встречать её, едва служанка доложила о её прибытии. Вдалеке я увидела Цуй Мин-дэ в монашеском облачении, с ритуальным опахалом в руке, неспешно приближающуюся. Она и без того была красавицей редкой, изящной в движениях и грациозной, а в этом наряде выглядела и вовсе безупречно — словно бессмертная фея, спустившаяся с небес. Подойдя, она совершила лёгкий поклон и произнесла: «Цзиншань приветствует товарища по Дао Чанлэ».

Я на мгновение опешила, вспомнив, что Цзиншань — её монашеское имя, выбранное ею самой по мотивам «Великого учения». Чанлэ же было моим именем, и всё дворцовое сообщество отлично понимало, ради чего я «принимаю постриг». Поэтому отец, выбирая имя, не стал мудрствовать и просто превратил мой титул в монашеское имя. Стоило нам назваться, как разница между нами стала очевидной. Мне стало неловко, и я, подражая ей, тоже сложила ладони в поклоне: «Приветствую товарища Цзиншань». Боясь, что она посмеётся надо мной, я поспешила пригласить её внутрь.

Когда мы уселись, я велела подать чай и угощения, намереваясь обменяться обычными любезностями, но, глядя на её невозмутимость, почувствовала себя неуверенно. К счастью, она, заметив моё смущение, первая спросила: «Товарищ, вы призвали меня по какому-то делу?»

Я ответила: «Дело есть, но сначала выпейте чаю».

Цуй Мин-дэ слегка улыбнулась, отпила глоток чайного отвара и повернулась ко мне, всем видом показывая, что готова выслушать суть.

Её высокомерная манера заставила меня заколебаться. Подумав, я наконец сказала: «Вообще-то, дело невелико. Просто я хочу подать докладную Шэнжэню, но не знаю, как лучше её составить. Поэтому и хочу попросить вашего совета».

Выражение лица Цуй Мин-дэ не изменилось. «В дворце немало учёных мужей, людей талантливых и образованных. Почему бы не поручить это им?»

Это был вежливый отказ. Я поджала губы. «Если я обратилась к вам, значит, на то есть причина. Скажите прямо: согласны вы помочь или нет?» Боясь, что она ответит отказом, я выпалила заранее подготовленную речь: «Беспокоить вас мне, конечно, неловко, и я должна была бы предложить скромный дар в знак благодарности. Однако вы происходите из рода, украшенного чиновничьими шапками, из семьи, равной Ван и Се. Обычные подношения лишь оскорбили бы вас. Золото, серебро, утварь — всё это не нужно истинному благородному мужу. Подумала я лишь о браке — деле, решающем всю жизнь. Пусть вы, товарищ, вознеслись над мирской суетой, но ради родителей и семьи вам, наверное, всё же приходится о нём помышлять. Я, хоть и не отличаюсь талантами, но, будучи плотью от плоти императорского дома, причастна ко дворцовым делам и могу либо замолвить словечко, либо в тайне поспособствовать, дабы устроить счастливую судьбу для вас. Это могло бы стать достойным воздаянием за вашу помощь. Прошу вас обдумать это».

В наше время ценили изящный слог, в беседах и докладах любили щеголять параллелизмами и рифмованными фразами. Лично я не слишком жаловала эту моду, но, желая угодить Цуй Мин-дэ, выдавала из себя эти вычурные, неуклюжие фразы. Говорила я, то и дело поглядывая на неё, опасаясь ошибиться в слове или перепутать исторические события и тем выставить себя на посмешище. К счастью, когда я закончила, лицо Цуй Мин-дэ осталось совершенно бесстрастным. Она лишь сказала: «Товарищ, ваше расположение тронуло меня. Однако, посвятив себя Трёх Чистотам, я более не помышляю о делах брачных».

Я не ожидала, что она отнесётся к этому так холодно. На мгновение опешив, я вдруг поняла, в чём дело, и улыбнулась. «Товарищ, вы полагаете, что я... что я хочу подыскать вам... подыскать хорошего мужа?»

Цуй Мин-дэ безучастно отвернулась, не произнеся ни слова.

Видя, что она явно недовольна, я решила перестать мудрствовать и сказала прямо: «Вы меня не так поняли. Я, возможно, и не смогу подыскать вам хорошего мужа, но уж точно сумею сделать так, чтобы вас не выбрали *определённые люди*. Вы... понимаете?»

Цуй Мин-дэ переложила опахало на другую руку и, не отрывая от меня глаз, сказала: «Не понимаю».

Я уже было начала внутренне торжествовать, взяла чашку и сделала глоток простой воды, но её прямой ответ заставил меня поперхнуться. «Товарищ Цуй, вы шутите? Вы же умница, как можете не понимать?»

Цуй Мин-дэ неспешно ответила: «Намерения товарища Чанлэ мне ясны. Однако, во-первых, когда Шэнжэнь прежде выбирал невесту для Наследного принца из рода Цуй, мой дед уже ответил отказом. Ныне, когда речь зашла о браке с князем Дай, вновь обращаться к нам было бы против правил. Во-вторых, раз уж я приняла постриг и вступила на путь Дао, я более не принадлежу миру сему, а значит, не могу стать и супругой циньвана. Не так ли, товарищ?»

Мой тщательно продуманный план был разбит в пух и прах одним её движением. Я онемела. Глядя, как она допивает чай и с невозмутимым видом собирается откланяться, я поспешно воскликнула: «Товарищ, по стойте!» Мозг заработал на пределе, и я, улыбнувшись, сказала: «Хоть вы и приняли постриг, полностью отрешиться от мирского, пожалуй, не так-то просто».

Цуй Мин-дэ замерла, устремив на меня взгляд. Я подошла к ней с блюдом винограда, выбрала ягоду, медленно разжевала её и только тогда произнесла: «Если вы не согласитесь, я распоряжусь прекратить ваше содержание. Даже монахиня, пока не достигла уровня «отрешения от пыльного мира и отказа от злаков», всё же хочет есть, когда голодна, и одеваться, когда холодно. Вы, с вашей неземной красотой и утончённостью, вряд ли исключение, верно?»

Наконец-то неизменное лицо Цуй Мин-дэ дрогнуло. Но выражало оно не гнев, а скорее лёгкую досаду. Она взглянула на меня и спросила: «Принцесса только что обещала, что гарантирует, что меня не изберут?»

Я рассмеялась. «Так вы всё-таки боитесь, что вас выберут?»

Цуй Мин-дэ вздохнула. «Пусть принцесса сначала скажет, о чём она хочет написать, а там видно будет».

Всё-таки титул принцессы сработал. Я, внутренне корила себя за то, что потратила столько времени на околичности, и сказала: «Вообще-то, дело невелико. Я просто хочу попросить отца построить за пределами дворца даосский храм и отправить меня жить туда». Сказав это, я уставилась на Цуй Мин-дэ, ожидая ответа. Но та лишь молча смотрела на меня. «Вот и всё. Больше ничего. Напишите мне хороший текст. Если выйдет плохо — содержание всё равно отменю».

Цуй Мин-дэ нахмурилась. «Смею спросить, какими доводами принцесса намерена убедить Его Величество?»

Я ответила: «Если бы я это знала, стала бы я к вам обращаться?» Произнеся это, я явственно увидела, как уголок её рта дёрнулся, и почему-то почувствовала глупое удовлетворение.

Цуй Мин-дэ вполне оправдала свою репутацию. Доклад, который поставил меня в тупик, она сочинила почти мгновенно. Я с радостью переписала её текст собственноручно и уже после полудня лично отнесла его в чертог Цзычэнь.

Отец и матушка находились во дворце. Услышав, что я принесла докладную, они смотрели на меня, словно на диковинку. Отец тут же велел мне войти и, взглянув на текст, полный изысканных параллелизмов, с первых же строк спросил: «Сыцзы, кто это сочинил за тебя? Если кто-то из дворцовых, я велю ей явиться сюда».

Мне стало досадно, что он так пренебрежительно отнёсся к моим способностям, и я нарочно ответила: «Батюшка, угадайте!»

Матушка, услышав это, тоже взглянула на текст и через мгновение сказала: «Это ведь Цуй Эрнян написала, да?»